
С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

В.С. АВДОНИН *

**МЕТОДОЛОГИЯ КОНТЕКСТУАЛИЗМА,
ЕЕ ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ**

Рец. на кн.: Кембриджская школа. Теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. – 2-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 632 с. (Серия «Интеллектуальная история»)

Для цитирования: Авдонин В.С. Методология контекстуализма, ее достижения и проблемы (Рецензия) // Политическая наука – 2025. – № 2. – С. 248–257. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.02.11>

Солидный том «Кембриджская школа. Теория и практика интеллектуальной истории», выпущенный вторым¹ изданием в 2023 г., является на сегодняшний день, пожалуй, самой обстоятельной презентацией в русскоязычном пространстве социогуманитарных наук того, что в западной науке давно получило название «Кембриджской школы интеллектуальной истории». О ней, разумеется, писали и у нас, публиковались труды ее основателей², чувствовалось ее влияние, находились последователи, но столь

* **Авдонин Владимир Сергеевич**, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: avdoninvla@mail.ru

DOI: 10.31249/poln/2025.02.12

¹ Первое издание: Кембриджская школа. Теория и практика интеллектуальной истории. – М.: НЛЮ, 2018.

² См., например: Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 томах: том 1. Эпоха Ренессанса; том 2. Эпоха Реформации. – М.: Дело, 2018.

яркого и всестороннего представления этого феномена, как в рецензируемом томе, в нашей литературе ранее не встречалось. Об успешной реализации замысла фактически говорит и выход второго издания, обусловленного повышенным спросом и вниманием к первому¹.

Вспоминается, как несколько лет назад, делая доклад о методологии «истории понятий» (Begriffsgeschichte) Рейнхарда Козеллека (тоже не очень известной у нас) в одной академической аудитории, автор получил вопрос одного молодого коллеги: «А как эта методология соотносится с методологией Кембриджской школы?». Мой ответ тогда, увы, получился весьма кратким и поверхностным. Теперь же, после знакомства с представленной работой, он, вероятно, мог бы быть значительно более точным и всесторонним. Но об этом ниже.

Авторы и составители сборника – Тимур Атнашев и Михаил Велижев – уже во вводной статье (с. 7–52) касаются трех его основных тем: представление главных авторов школы (Квентина Скиннера и Джона Покока) и ее институционализация; исследовательская методология школы; рецепция ее программы в исследованиях отечественной политической мысли. Особый интерес к методологии здесь не случаен, так как именно она, с одной стороны, относится к несомненным достижениям Кембриджской школы, позволившим создать интереснейшие исследования политической мысли раннего европейского Модерна, с другой, – вызывает полемику и разнообразные критические замечания. Понятно, что в книге главный акцент сделан на достижениях, но и о критике в ней не забыто (раздел «Пolemика и критика: вокруг Кембриджской школы»), тем более что сами авторы школы часто выстраивали свои методологические объяснения в виде ответов на критику.

Одним из достижений Кембриджской школы, вероятно, можно считать глубину философской проработки исторической методологии, что обширно представлено в материалах сборника. Главные представители школы выступают не только как историки политической мысли определенного периода, но и как авторы философской методологии исторического познания или, более конкретно, – познания «интеллектуальной истории» или истории идей. В материалах сборника показано, что в философском плане они опираются преимущественно на *лингвистическую ветвь* аналитической философии. В этом течении (Дж. Остин, Дж. Серль,

¹ См. рецензии: [Павлов, 2018; Белявский, 2020].

П. Стросон, и др.), которое приобрело популярность в 50–70-е годы XX в., были пересмотрены некоторые идеи более раннего этапа аналитической философии (30-е–50-е годы), известного под именем «логического позитивизма», о котором в сборнике, впрочем, не сказано почти ничего. Хотя сам по себе этот сдвиг или «лингвистический поворот» в аналитической философии значим и мог бы быть предметом более пристального интереса.

На новом этапе в аналитической философии акцент переносится с формальных, логико-семантических и логико-синтаксических свойств высказываний на анализ прагматики языка высказываний, на их коммуникативные и конвенциональные свойства. Это способствовало более тесному сближению аналитической философии с лингвистикой и обновлению идей в области философии языка. Среди авторов этого направления, влиявших на Кембриджскую школу, особая роль принадлежит Дж. Остину с его теорией речевых актов, что ярко отражено в публикациях К.Скиннера, представленных в сборнике. «Иллокутивные» речевые акты (высказывания с намерением) Остина открывают для Скиннера обширное поле анализа «иллокутивных сил» (намерений действия) в работах политических мыслителей. А в материалах Покока хорошо прослеживается связь с лингвистическими теориями, в частности с теорией языка Ф. Де Соссюра (его различием «языка» и «речи»), что открывает путь к исследованию различных языковых «конвенций» и «дискурсов». Таким образом, сборник дает подробное представление о том, что обращение к прагматике языка и ее возможностям исследования лингвистическими, филологическими и логико-философскими методами, связанными с традициями аналитической философии, было для Кембриджской школы важным условием разработки методологии исследования истории политических идей.

Другим компонентом является собственно историческая методология, которая рассматривает изменения политических идей во времени. Здесь влияния, отмечаемые в сборнике, тоже имели место, хотя для формирования собственного подхода они имели, скорее, вспомогательное значение, как, например, идеи М. Фуко о взаимосвязи знания и власти или методы английского историка и философа Р.Дж. Коллингвуда, касающиеся правильной постановки исторических вопросов для извлечения из истории правильных ответов и др. Но главное, что привнесли в методологию изучения истории идей основатели Кембриджской школы – это оригинальная разработка *контекстуализма*, что неоднократно демонстрируется в книге. В методологическом плане контекстуализм означает

преобладание контекста над «текстом» в исторических объяснениях и реконструкциях. Применительно к истории идей это предполагает приоритетное внимание к разнообразным условиям / контекстам, в которых функционировали тексты. Также читатели сборника могут получить достаточно полное представление о конкретных особенностях контекстуализма Кембриджской школы.

Среди них особенно подчеркивается контекст действенности текста, текста как действия, что может быть обеспечено через исследование и реконструкцию авторских замыслов и намерений, вложенных в текст. Не текст как таковой, а вложенные в него намерения автора, обладающие «иллокутивной силой», делают текст исторически действенным. Эти намерения можно реконструировать и понять, учитывая личность автора, а также контекст, в котором действует автор. И, прежде всего, это «идеологический» контекст или контекст языковых конвенций и «идеологических нарративов», в рамках которых в данную эпоху было принято говорить об обществе, истории и политике, и, далее, – это контекст самой практической политической жизни общества данной эпохи, с ее проблемами и конфликтами. Как все это воплощается в исследовательской практике, подробно излагается в публикациях Джеймса Талли о Скиннере (с. 218–248), а также в методологических текстах самого Скиннера и Дж. Покока (с. 53–141; с. 142–217).

К достоинствам сборника можно отнести и публикации, в которых представлен достаточно широкий спектр критических тезисов и соображений, выдвинутых в адрес методологии Кембриджской школы. В «Ответе моим критикам» (с. 247–346) Скиннер привел немало примеров этой критики, в частности, такие характеристики его позиций в области интерпретации суждений и трактовки речевых актов, как «консервативный релятивизм», «порочный релятивизм» или релятивизм как таковой (с. 287–290). Одной из проблем, отмеченных критиками, является слабое или неопределенное выражение метаисторического критерия исследования и оценки политической мысли прошлого, что ведет к чрезмерному релятивизму и анахронизму, излишнему погружению в исторические и филологические контексты и ослаблению ее связей со структурами социальной истории и с современностью.

Естественно, что и Скиннер, и Покок не соглашались с этой критикой, приводя многочисленные доводы в защиту своего подхода. Читатель найдет их в изобилии в сборнике. Отметим, например, три тезиса Джеймса Талли о работах Скиннера. В первом из них он аргументирует связь исторической прагматики с современ-

ной широко понимаемой «юридической идеологией», впитавшей различные политические идеологии Модерна, во втором – обосновывает отличия этой прагматики от релятивизма и субъективизма, в третьем – указывает на связь истории политической мысли, представленной Скиннером, со структурными сдвигами в системах политической власти, вызванными, прежде всего, войнами и вооруженными конфликтами в этот период (с. 232–246).

Тем не менее в сборнике также представлены материалы о тех средствах, которые, по мнению некоторых исследователей, могли бы помочь в решении методологических проблем исторического познания, которые вменялись Кембриджской школе. Одним из таких решений предлагается сближение со сходной по тематике, но несколько отличной по методологии, немецкой «школой» истории понятий, или *Begriffsgeschichte* (BG). На это обращено внимание в статьях Мелвина Рихтера и Мартина ван Гелдерена, что делает проработку критики более полной и позволяет читателю лучше понять характер разбираемых проблем.

Оба подхода подчеркивают роль и действенность идей в переходе европейских обществ от Средневековья к раннему Модерну, а также важность их аутентичного понимания для своего времени. При этом для Кембриджской школы главным способом является исследование действенного применения идей в аутентичных исторических контекстах, тогда как у *Begriffsgeschichte*, в лице основного автора Рейнхарда Козеллека, ключевым аспектом является осмысление *темпоральности* истории понятий (прослеживание сохранения, изменения и инновации их значений). Козеллек предложил метаисторическую схему, предшествующую истории понятий и включающую категории «антропологической рефлексии»: «пространство опыта» (*Erfahrungsraum*) и «горизонт ожидания» (*Erwartungshorizont*) [Koselleck, 1979, S. 349–375]. Благодаря этому, в исследовании истории идей возможен познавательный эффект «герменевтического круга» или «одновременности неодновременного» (*Gleichezeitigkeit des Ungleichzeitigen*) между историческим выражением понятий, значения которых мы находим в исторических и филологических документах, и интерпретирующими инструментальными понятиями историка. В этой связи важным для *Begriffsgeschichte* стало открытие так называемого *Standort* или места историописания, требующего учета в исследовании истории идей интерпретирующих понятий самого историка. Это также означает постоянное пополнение наших знаний об идеях прошлого, зависящее от развития средств исторической реф-

лекции [Koselleck, 1979, S. 185–192]. Козеллек также выдвинул идею «историки» (Historik) – особой исторической дисциплины, в рамках которой указанные аспекты исторического познания могли бы специально изучаться¹.

Несмотря на некоторый интерес к подходам Begriffsgeschichte, основные авторы Кембриджской школы их не принимали, оставаясь на позициях контекстуализма и недоверия к метаисторическим категоризациям. Скиннер весьма сдержанно оценил многотомное энциклопедическое издание «Geschichtliche Grundbegriffe», подготовленное Козеллеком и его соавторами [Brunner, Conze, Koselleck, 2004]. Скиннер указывал на трудности попыток изолированного рассмотрения отдельных понятий, вне связи с контекстом, хотя и отмечал некоторые параллели со своим подходом.

В то же время вопросы к контекстуализму самой Кембриджской школы у критиков сохранялись. Неопределенность критериев установления намерений авторов исторических текстов и выделения «идеологических конвенций» и «дискурсов», в рамках которых они действовали, вносили в методологию элементы неопределенности и релятивизма. Отмечалась также излишняя ангажированность представителей школы теми теориями языка, на которые они опирались. На этом фоне Begriffsgeschichte демонстрировала более широкий и гибкий подход к философии языка и методологии исторического познания в целом, что позволило ей расширять свой подход на область разнообразных символических явлений (визуальных изображений, праздников, памятных мест и др.).

В завершающей части книги читатель может познакомиться с интересной подборкой статей российских авторов по темам отечественной интеллектуальной истории, вдохновленных методологической программой Кембриджской школы. Это, несомненно, призвано способствовать повышению интереса к ней в нашей стране, тем более что ее контекстуализм был дополнен методологической категорией «*режима публичности*», введенной в российские исследования отечественными авторами².

В подборку «История политических языков в России» включены шесть статей, в центре которых находится широкий контекстуальный анализ некоторых известных документов и произведений из истории российской политической мысли XVIII–XX вв.

¹ Подробнее см.: [Koselleck, Mommsen, Rüsen, 1977; Rüsen, 2018].

² Подробнее о «режиме публичности» см.: [Атнашев, Велижев, 2018; Белявский, 2020].

В статьях, посвященных XVIII в., рассматриваются становление в России того периода способов осмысления («политических языков») легитимации монархической власти (С. Польский) и частной собственности (Е. Правилова). Авторы ставят задачу исследовать формирование «рационального политического языка», который постепенно оттеснял в официальных текстах и кругах образованной политической элиты «публичные» языки предшествующей эпохи: в одном случае язык религиозной легитимации монархической власти, в другом – запутанный и сложный язык представлений о собственности феодальной эпохи. Эти материалы дают возможность обогатить наши знания об интеллектуальной истории эпохи «просвещенного абсолютизма».

Две статьи посвящены истории отечественной политической мысли XIX в. В статье М. Велижева дана трактовка первого из «Философических писем» Петра Чаадаева, написанного в 1829 г. и впервые опубликованного в 1836 г. На основе подробного анализа контекста автор связывает язык письма с течениями консервативной политической мысли послереволюционной Франции (Ж. де Местр, Л. де Бональд и др.), представляя Чаадаева как консервативного мыслителя, вдохновленного авторитетными в тот период идеями духовного и политического возрождения Европы под эгидой Священного союза. Но публикация вызывает скандал и санкции властей. Автор объясняет такую реакцию изменением политического и культурного контекста и режима публичности. Полемический скепсис Чаадаева относительно включения России в европейский «консервативный ренессанс» в силу ее отсталости в религиозной, культурной и политической сферах, который ранее использовался как инструмент для побуждения к действиям в рамках старого публичного политического языка, в новом контексте, где доминировали идеи самобытности России, становится неприемлемым и воспринимается как почти революционный, что вызывает санкции. Автор демонстрирует, как изменения контекста (режима публичности) предопределили восприятие текста и как в дальнейшем этот текст послужил «кристаллизацией» новых публичных политических языков (языки «западников» и «славянофилов»).

Статья Т. Борисова посвящена процессу Веры Засулич 1878 г., в котором ключевую роль сыграл известный юрист А. Кони, для оправдания обвиняемой использовавший аргумент о необходимой самообороне. Как отмечает автор, за 12 лет до процесса Кони написал статью «О необходимой обороне», в которой доказывал правовую необходимость граждан защищаться от произвола чи-

новников. Автор считает это примером влияния языка юридической науки на публичный политический дискурс. В статье отмечается, что процесс стал важной вехой легитимации в публичном языке прав «общества» в пореформенной России, что активно поддерживалась сообществом юристов.

Завершается сборник двумя статьями об отечественной истории XX в. Впрочем, первая из них (К. Бугров) в значительной степени посвящена особенностям политической концепции «неоримского республиканизма», которой придерживались Скиннер, Покок и их сторонники, а также анализу «сложного и чрезвычайно интересного развития республиканской интеллектуальной парадигмы в России». Автор предлагает рассматривать российский республиканизм сквозь призму восходящего к греко-римской Античности «гlossария добродетели / коррупции», исследованного Пококом на европейском материале. В последней части статьи автор затрагивает политические идеи Л. Троцкого и Н. Бухарина 20–30-х годов XX в. Проследивая метаморфозы республиканского дискурса, включающие периоды оживления и упадка, автор приходит к выводу, что с приходом большевистской эры республиканский гlossарий стал переосмысливаться применительно к революции. Формула Троцкого 30-х годов о «преданной революции» оспаривалась, как отмечает автор, Бухариным, который утверждал, что «беззаветная преданность идеалам революции» большевистского руководства (большевистская «добродетель») является гарантией продолжения революционных преобразований. (Сам Бухарин, как известно, в дальнейшем был казнен по обвинению в «предательстве».)

Последняя статья Т. Атнашева посвящена книге главного архитектора российских реформ конца XX в. Егора Гайдара «Государство и эволюция», написанной в 1994 г. Автор отмечает, что в предметно-тематическом плане это произведение можно квалифицировать как работу по философии истории, написанную на двух «политических языках» – на языке (пост)марксистского исторического детерминизма и «языке перестройки», содержащем возможность исторического выбора для России. Имеется в виду выбор между «номенклатурным капитализмом», понятым как часть цикла «азиатского способа производства», и возможностью выхода из него к «западной цивилизации». Автор полагает, что в целом язык детерминизма в работе преобладает, а «перестроечный» язык исторического выбора выглядит менее обоснованным, что свидетельствует о недостаточной уверенности или «отрефлексирован-

ности» этой позиции самим Гайдаром. Сегодня, впрочем, мы видим, что его сомнения в историческом выборе России были не случайны.

Таким образом, во всех статьях сборника на российскую тематику хорошо заметны приоритеты кембриджской программы исследований – внимание к намерениям и действиям авторов в рамках исторически складывающихся и изменяющихся политических языков / «идеологических дискурсов», а также существенных для России «режимов публичности». Они, несомненно, способны внести весомый вклад в наше историческое познание этой области и ее специфики в России. В то же время надо помнить и о ряде проблем этого подхода, о которых было сказано выше.

V.S. Avdonin*

**Methodology of contextualism, its achievements and problems
(Review)**

For citation: Avdonin V.S. Methodology of contextualism, its achievements and problems (Review). *Political science (RU)*. 2025, N 2, P. 248–257. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.02.11>

References

- Atnashev T., Velizhev M. (eds). *Cambridge School: theory and practice of intellectual history*. Moscow: New Literary Review, 2018, 632 p. (In Russ.)
- Atnashev T., Velizhev M. History of political languages in Russia: towards the methodology of the research program. *Philosophy: Journal of the higher school of economics*. 2018, Vol. 2, N 3, P. 107–137. (In Russ.)
- Belyavsky B.A. Cambridge school: import and modernization of the method of historical analysis: review of the collection “Cambridge School: theory and practice of intellectual history”. *Philosophy. Journal of the higher school of economics*. 2020, Vol. 4, N 3, P. 217–229. (In Russ.)
- Brunner O., Conze W., Koselleck R. (eds). *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch sozialen Sprache in Deutschland*. Stuttgart: Klett-Cotta, 2004, Vol. 1–8, 9000 p. (In German)
- Koselleck R. *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt: Suhrkamp, 1979, 389 S. (In German)
- Koselleck R., Mommsen W., Rüsen J. (eds). *Beiträge zur Historik. Bd. 1: Objektivität und Parteilichkeit in der Geschichtswissenschaft*. München: Deutscher Taschenbuch-Verlag, 1977, 495 S. (In German)

* **Avdonin Vladimir**, INION (Moscow, Russia), e-mail: avdoninvla@mail.ru

- Pavlov A.V. Adventures of method: Cambridge School (of political thought) in contexts. *Logos*. 2018, N 4, P. 263–303. (In Russ.)
- Rüsen J. *Grundzüge einer Historik*. Bochum, 2018, 369 S. (In German)

Литература на русском языке

- Атнашев Т., Велижев М. История политических языков в России: к методологии исследовательской программы // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. – 2018. – Т. 2, № 3. – С. 107–137.
- Белявский Б.А. Кембриджская школа: импорт и модернизация метода анализа истории: рецензия на сборник «Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории» // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 217–229.
- Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 632 с.
- Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // *Логос*. – 2018. – № 4. – С. 263–303.